

Факт появления в 90-е годы разнообразных словарных изданий, посвященных периферийным пластам лексико-фразеологического состава русского языка последних 10–15 лет, отражает реальные процессы их сильной активизации в повседневной речевой коммуникации, в том числе – в современной русской литературной речи, устной и письменной. В этой активизации периферийной лексики и фразеологии находят выражение некоторые основные тенденции языковой эволюции, обусловленные теми изменениями в социальном (социокультурном) существовании русского литературного языка, которые совершаются под влиянием мощных экстралингвистических импульсов: распада СССР и ситуации, порожденной этим социально-экономическим катаклизмом, в общественно-политической, духовной, хозяйственной жизни постсоветской России. Имеются в виду такие тенденции современной языковой жизни, как а) резкое возрастание значимости разговорной речи в сложившейся системе функциональных разновидностей русского литературного языка и больше того – разговорной стихии внелитературной сферы национального языка (просторечия и особенно жаргонной речи) в современной литературной речи (устной и письменной); экспансия элементов разговорной речи в традиционные тексты книжной культуры слова; б) детабузация бранной, вообще грубой просторечной лексики и фразеологии не только в разговорной (литературной) речи, но и в устных и письменных вариантах речи книжной.

Предлагая "словарь русского общего жаргона", авторы руководствуются задачами "культурно-речевого" характера (на стр. IV читаем: "...очевидно, что, не зная этих слов, невозможно полностью понимать все то, что сейчас пишется и говорится порусски"). Вместе с тем главная задача рецензируемого издания состоит в том, чтобы "отразить жаргон жителей современного большого российского города, отделив его от жаргонов отдельных социальных, в частности криминальных, и профессиональных групп" (с. IV). Под общим жаргоном понимается по существу та часть ненормализованной речи современного города, которая нашла и находит отражение в текстах массовой информации. Это обязательное условие включения лек-

сико-фразеологического материала в Словарь. Авторы специально подчеркивают: "...доказательством принадлежности слов к общему жаргону" они считают "...употребление этих слов в прессе, ориентированной на широкую аудиторию" (там же). Предполагается также, что такие слова и фразеологические обороты употребляются (или по крайней мере понимаются) "...всеми жителями большого города, в частности образованными носителями русского литературного языка" (там же).

Говоря об общих принципах "толкового словаря русского общего жаргона", важно обратить внимание на то, что авторы, четко определив социокультурные рамки объекта лексикографического описания (это представлено в той или иной степени и в других словарях периферийной лексики), пошли по пути более широкого, а главное – эксплицитного, применения функционального принципа лексикографической презентации. Не ограничиваясь констатацией устной реализации общего жаргона, они ориентируются на письменную фиксацию его единиц в литературных текстах, именно в текстах массовой информации. (И при семантизации заголовочного слова исключаются предложения – только точные цитаты преимущественно из печатных текстов, реже – из записей живой устной речи с детальной их паспортизацией.) Такое ограничение вполне оправдано, поскольку в Словаре регистрируются явления ненормированной устной речи.

Это принципиально новый элемент в регистрации лексикографического описания единиц внелитературной речи. Он, конечно, накладывает известные ограничения на полноту словника, поскольку далеко не все слова и обороты городского просторечия (понимаемого как совокупность социокультурных разновидностей ненормированной речи городских жителей) "попадают" в литературные тексты, даже в тексты массовой информации. В то же время отражение в Словаре речевых единиц, письменно зафиксированных, несомненно, создает наиболее благоприятные условия для "чистоты" научного анализа, в данном случае – лексикографического исследования, как самих единиц общего жаргона, так и его основных семантико-коннотационных и функционально-речевых характеристик.

Такой подход к лексикографической

презентации периферийных пластов лексики и фразеологии, в том числе и лексико-фразеологических единиц общего жаргона, позволяет с высокой степенью адекватности выяснить, с одной стороны, особенности семантической структуры (включая систему коннотаций) таких единиц и их функционирование во внелитературной сфере, поскольку в литературные тексты речевой материал такого рода, взятый непосредственно из народно-разговорного языка, обычно включается с сохранением основных параметров семантики, экспрессии, дистрибуции, присущих соответствующим единицам в их "родной среде обитания". Во всяком случае это убедительно подтверждают наблюдения над диалектизмами и жаргонизмами, над их функционированием в художественно-беллетристических и публицистическом стилях русского литературного языка XIX века (в послепушкинский период).

С другой стороны, выясняется наиболее существенный с семантико-экспрессивной точки зрения и функционально наиболее активный, актуализированный для речевой коммуникации носителей литературного языка фрагмент современного городского просторечия.

Для общей характеристики Словаря, его лексикографической идентификации существенным обстоятельством представляется ориентация авторов на носителей литературного языка (это ощущается уже в самом названии "лексикона": "Слова, с которыми мы все встречались").

Будучи словарем общего жаргона, данное лексикографическое издание не ограничивается констатирующе-регистрирующим характером презентации лексико-фразеологического состава обозначенной сферы речевой коммуникации (как это типично для словарей периферийной лексики). Авторы Словаря, наряду с семантизацией его единиц, раскрывают сложившиеся в устной ненормированной сфере речевой коммуникации способы и ситуации их употребления, уточняя при этом системой помет и в комментариях грамматический статус (в необходимых случаях — отдельные формы), детали социокультурной и функционально-речевой характеристики каждой единицы описания.

Ориентация на литературные тексты, именно на тексты массовой информации, при составлении Словаря дает репрезентативный материал и для исследования процессов, явлений, наблюдаемых в русском литературном языке конца XX столетия, в частности, позволяет выяснить функцио-

нально-стилевые условия проявлений общего жаргона в контексте литературного языка и некоторые другие важные аспекты современного русского литературного языка.

Словник. Как ясно из прямых указаний авторов, состав словника определяется "присутствием" единиц общего жаргона в текстах массовой информации, "в прессе, ориентированной на широкую аудиторию" (с. IV). Это требование, как видно из иллюстративной зоны словарных статей, в подавляющем большинстве статей реализуется. Авторы все же отступают, правда, в единичных случаях, от заявленного ими принципа отбора словарных единиц: см.: *Лажовый, Мотать¹, Не колышет, Пахán, Рвñный, Сачок, Шеф*. Представляется непоследовательным (с точки зрения опоры на опубликованные тексты) начинать зону "Примеры" словарной статьи со свидетельств разговорной речи — см.: *Мýсор, Обломать, Отпад* (оба значения), *Слнйть, Совок* (2-е значение), *Стучать, Схвáчено, Чáйник* (4-е значение), *Фрæер* (здесь "примеры" начинаются с цитаты из "блатного фольклора", что нарушает установку авторов на игнорирование жаргонов "отдельных социальных, в частности криминальных, ... групп").

В отличие от толкового словаря литературного языка в словник данного Словаря включены на правах заголовочного слова не только фразеологизмы номинативного (*вор в законе, крестный отец*) и глагольного характера (*под колпаком [быть]*), но и предложно-падежные сочетания (*до лампы, до фонаря, до фени, по жизни, с прибабахом*), а также изолированные (вне собственной морфологической парадигмы) формы (или словоформы): *светит/не светит, схвачено, наши, повязан, поддатый...*

Если в традиционный толковый словарь такого рода единицы включаться не должны, то в словаре, который имеет своей задачей (или одну из задач) разъяснить слова известного социокультурного статуса, представленные в корпусе известных текстов (и к тому же — лексемы, актуализированные в речевой коммуникации определенной эпохи), такие и подобные вокабулы узального характера могут и должны быть лексикографически описаны, даже и при их единичной регистрации или нестатистической частотности.

Исходя из сказанного, вполне закономерна статья "Ж. (Только прописное)." [надо бы: прописная (буква)], в которой представлено якобы слово "Ж." (сущ. м.р.) со

значением 'Жириновский' (с. 48). Впрочем, на равных основаниях претендует на аналогичную фиксацию и "сущ. м.р." "Х." со значением 'Хасбулатов', хотя бы потому, что в "Примерах" статьи "Ж." есть цитата, в которой упоминается это слово.

В целом читатель получил вполне репрезентативный корпус активных и актуальных единиц современного русского общего жаргона. Хотелось бы только, чтобы авторы в интересах не столько подтверждения репрезентативности предложенного корпуса словарного материала, сколько определения уровня этой репрезентативности, указали хронологические рамки обработанных ими источников Словаря. Наблюдения над текстом Словаря позволяют определить общий временной отрезок: 1991 г. (эпизодически) до начала 1999 г. (с акцентом на 1994–1998 годы), а также общий объем выборки, поскольку разные годы наблюдений даны в Словаре количественно по-разному.

Словарная статья. Структура словарной статьи не традиционна, устроена целенаправленно, таким образом, чтобы максимально полно представить основные параметры "системной" и главное – функциональной стороны единицы лексикографического описания одного из фрагментов внелитературной сферы современной русской речевой коммуникации – общего жаргона. Словарная статья дает объемное, дифференцированное представление относительно смыслового содержания и эмоционально-экспрессивного наполнения (семантической структуры) каждой словарной единицы, социокультурной сферы и ситуаций ее употребления, ближайших парадигматических, синтагматических и словообразовательных связей в рамках общего жаргона, грамматической дистрибуции, морфологических особенностей; выясняется также социолингвистическое происхождение (из специальных жаргонов, из литературного языка) и этимология (в необходимых случаях) слова или фразеологизма.

В отличие от словарной традиции семантизации периферийной лексики и фразеологии авторы не ограничиваются "переводом" заголовочного слова на литературный язык. Давая денотативное значение, они особое внимание обращают на коннотации, которые приобретает или имеет заголовочное слово в общем жаргоне. Авторы справедливо полагают, что "...коннотации являются наиболее важной частью значения жаргонного слова – тем, ради чего оно создается и употребляется" (с. V.). Такая детальная, дифференцированная,

разноаспектная разработка заголовочного слова имеет общеметодологическое значение для лексикографической презентации словарных единиц вообще – не только из ненормативной сферы национального языка. Словарная статья такой структуры вполне приложима (с известными модификациями) к толкованию слов литературного языка – к "толковому словарю", к словарю иностранных слов.

Словарная статья, таким образом, состоит из следующих зон: Заголовочное слово (ЗС, с указанием ударения или его вариантов, орфографических вариантов – при необходимости, здесь же опорные формы морфологической парадигмы); Грамматические пометы и комментарии ("Морф"); "Частотность" (не регулярно); "Употребление"; "Значение"; "Коннотация"; "Сочетаемость"; Иллюстрации ("Примеры"); Парадигматические связи ("Синонимы", "Антонимы"); Словообразовательные связи ("Гнездо"); "Происхождение".

В зоне "Морф" содержится морфологическая характеристика ЗС, указания об употребительности отдельных форм, о "дефектности" парадигмы, синтаксическая характеристика изолированных форм (в статусе ЗС), например: к ЗС **Бодун**, **Бугор** "Только с предлогами" (с. 14), к **Краты** – "в функции предиката в безличном предложении" (с. 82), к **Не колышет** – "употребляется безлично" (с. 123). В связи с последним было бы точнее обозначить данную зону словарной статьи как "грамматическую". В целом эта зона разработана тщательно, насыщена разнообразной информацией, помогающей ориентироваться (вместе с зоной "Сочет") в грамматической дистрибуции ЗС.

Обращает на себя внимание корректность некоторых рекомендаций и ограничений коммуникативного свойства: например, к **Синматься** – "...СВ не отмечен" (с. 193), к **Повязки** – "...Чаще во мн." (с. 149). Обращает на себя внимание профессионально лексикографический способ указания на реальность употребления конкретной формы: упоминается соотносительная форма [напр.: **Круто**. Нареч. Сравн. ст. *круче*" (с. 85); **Крутой**. Прилаг. Сравн. ст. *круче*" (с. 86); **Кушиться**. ...НСВ *покушаться* (с. 92); **Напрягать**. ...СВ *напрячь* (редко) (с. 120); **Отморженный**². ...ж.р. *отморженная*" (с. 136)].

Вместе с тем наблюдается известная непоследовательность в морфологической характеристике однотипных явлений. Ср.:

"Северá, -ов... Только ми." (с. 189) – "Югá... Только ми." (с. 265). Указания на форму род. пад. мн. числа нет, хотя и в "Сочет" и в "Примерах" дается употребление этого ЗС в косвенных падежах, ср. также статьи *Ошер* и *Мент*: при указании акцентологических вариантов форм род. пад. ед. числа у слова *ошер* "...-á, -а", в статье *Мент* есть только "...-á", тогда как Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М. 1997) дает форму -а (без ударения): *Мент*, -а (прост.).

Характер представления зоны "Частотность" требует некоторого уточнения. Видимо, отсутствие в статье указания "Оч. частотн." или "Малочастотн." следует рассматривать как констатацию известной употребительности соответствующего ЗС.

Исключительно важна для функционально-речевого статуса слова (в Словаре – ЗС) его сочетаемость. Ведь известно, что "...действительная жизнь... слова совершается в речи" [Потебня 1958 : 15]. Поэтому наличие зоны "Сочетаемость" принципиально значимо для всякого словаря, тем более для словаря, посвященного устной речи внелитературной сферы. Целесообразно расширить данную зону, выясняя, по возможности, основные линии грамматической сочетаемости ЗС (например, к таким словам, как *заложить, заказуха, закидон, попса, ствол, стегануться, челнок*), более последовательно обозначая лексическую сочетаемость (см., например, отсутствие данной зоны в статьях "Челночный", "Хайрастый/хаератый"), давая возможно полный список лексических связей ЗС (например, к слову *чернушный*). Было бы уместным отмечать в зоне "Происхождение" – в случаях производности ЗС от "литературного" слова – сочетаемость этого слова, когда у ЗС наблюдается иная сочетаемость (например, в описании глаголов *заказать, снимать*).

Тесно связаны с зоной сочетаемости зоны парадигматических и словообразовательных связей, особенно тех членов словообразовательного гнезда, которые описаны в Словаре. Все это в совокупности создает объемность лексико-семантической перспективы презентуемой словарной единицы, "оживляет" ее реальные лексико-семантические и словообразовательные связи внутри общего жаргона.

Зоны "Значение" и "Коннотация", естественно, занимают центральное место в словарной статье, образуя единый блок семантизации ЗС, часто вместе с зоной "Употребление", когда в этой зоне при-

водится экспрессивная характеристика употребления ЗС.

В целом зоны "Значение" и "Коннотация" полностью выполняют свою задачу. Они действительно дополняют друг друга, как сказано в статье "От редактора" Р.И. Розиной (см. с. V), давая объемную характеристику смысловой и экспрессивной стороны ЗС. Однако больше всего конкретных замечаний вызывает зона коннотаций в связи с тем, что значительная часть формулировок этого "пункта" словарной статьи очень разнообразна по своему синтаксическому наполнению, интенциям высказывания. Между тем жанр Словаря, как очевидно, требует максимального единообразия, типизации лексикографического описания.

Трудно переоценить зону "Происхождение". Обобщение наблюдений дает возможность проследить, с одной стороны, происхождение известной части лексико-фразеологического состава современного городского просторечия от жаргонной речи отдельных социальных и профессиональных групп; с другой стороны (и это наиболее существенно для выяснения связей литературного языка – особенно русского литературного языка 80–90-х годов), и внелитературной речевой сферы – "заимствования" общего жаргона из литературного языка.

Значимость для русской лексикографии рецензируемого Словаря определяется, во-первых, тем, что предпринят первый опыт лексикографического описания монографического характера внелитературной сферы русского национального языка – именно общего жаргона – с обязательной опорой при регистрации словарных единиц на "отражения" этих единиц в текстах литературного языка.

Во-вторых, данный словарь – одно из немногих современных изданий, в которых в практику описания словарных единиц, в структуру словарной статьи вносятся существенные, принципиально новые компоненты, способствующие тому, что ЗС обретает стереоскопическую, дифференцированную характеристику его основных лексико-семантических, грамматических и функционально-речевых свойств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Потебня А.А. 1958 – Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.

Ю.А. Бельчиков